

Цена годовому изданию 6 руб. сер. въ Москвѣ и Петербургѣ, За пересылку 2 руб. сер. Выходить по субботамъ, отъ 1—1½ листа.

ВѢСТНИКЪ

Подписка принимается у книгопродавцевъ—въ Москвѣ: Хрустаева, Базунова, Ратькова, Улитина, Араль, Дейнера, Рево, Урбенъ; въ Петербургѣ: у Базунова и Ратькова.

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ИМПЕРАТОРСКИМЪ МОСКОВСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ ИСПЫТАТЕЛЕЙ ПРИРОДЫ.

1854.

Москва, 1-го Мая.

№ 18.

СОДЕРЖАНІЕ: Бегемотъ (Окон.). — Движеніе земли около своей оси. (Смъ политик. Продол.). Статья Отто Удэ.

БЕГЕМОТЪ.

(Окончаніе.)

Легко предвидѣть, что Бегемоты переведутся и въ Натальской области, точно также какъ во всякой другой, гдѣ поселятся Европейцы. Нѣтъ сомнѣнія, что эти животныя прежде всѣхъ другихъ должны исчезнуть съ лица земли, потому что природа не достаточно снабдила ихъ средствами охранять себя отъ нападеній человѣка.

Въ вышину Бегемоты имѣютъ до четырехъ съ половиною, иногда до пяти футовъ, въ длину отъ десяти до одиннадцати, а ноги у нихъ бываютъ вышиною только въ полтора фута¹⁾; оттого животныя эти кажутся тяжелыми, неповоротливыми. Впрочемъ, на поверхности ровной, горизонтальной, они въ скорости не уступаютъ человѣку; быстрѣе бѣгаютъ они при спускѣ съ какой нибудь высоты и медленнѣе, взбираясь на нее; но такой степени скорости недостаточно, чтобы доставить имъ возможность уклониться отъ опасности. Противъ остраго холоднаго оружія они защищены толстою кожей, облекающею ребра широкія, но плоскія, хрупкія; однакожь кожа эта такъ туго растянута на толстомъ слоѣ жира, что дротинки Кавровъ легко пробиваютъ ее. Сверхъ того Бегемотъ совсѣмъ не свирѣитъ и даже находясь въ водѣ, своей обычной стихіи, не причиняетъ ни малѣйшаго вреда плывущимъ людямъ. Бывали, правда, отъ нихъ несчастія съ охотниками, но только на сушѣ, при томъ въ такихъ мѣстахъ и при такихъ обстоятельствахъ, что

несчастія эти можно почитать рѣшительно исключеніями, изъ общаго правила. Напримѣръ, Англійскій поручикъ Гардингъ, съ которымъ я въ первый разъ охотился за Бегемотами, рассказывалъ мнѣ, какъ случай единственный, что по близости отъ *Рыбной рѣки* Бегемотъ загрызъ одного изъ его Готтенотовъ. О подобномъ происшествіи я только однажды и слышалъ.

Старый самецъ, котораго Рюпель (1824) помогъ мнѣ убить въ Донголтѣ, имѣлъ отъ морды до конца хвоста 13½ фр. футовъ, и въ его нижнемъ клыкѣ отъ корня до остраго конца, по наружной кривизнѣ, было 26 фр. дюймовъ. Все его мясо равнялось тяжести 4 или 5 большихъ быковъ. Борьба съ нимъ всего лучше характеризуетъ его; по этому выслушаемъ рассказъ свѣлаго охотника: «Чтобы низложить Бегемота мы боролись съ нимъ 4 часа; правда, это было ночью; животное едва не уничтожило нашей большой барки, а вѣсѣтъ съ ней и насъ. Именно, когда раненый звѣръ увидѣлъ въ маленькой лодкѣ охотниковъ, которые должны были привязать длинную веревку къ деревянной части гарпуна, ибо только съ помощью этого орудія можно осилить этого звѣря, тогда онъ однимъ прыжкомъ (?) бросился на барку, увлекъ ее подъ воду и раздробилъ ее; оба охотника едва пзбѣгли этой опасности. Изъ 25 ружейныхъ пуль, пущенныхъ на разстояніи 5 шаговъ въ голову чудовища, только одна пробила у носа кожу и кость; отъ тяжелаго фырканья звѣря ручьи крови брызнули на барку; прочія пули застѣли въ шкурѣ. Наконецъ, мы рѣшились употребить пушку, которую мы считали до сихъ поръ лишнею на такомъ близкомъ разстояніи; но колесо испустилъ дыханіе только тогда, когда 5 ядеръ, пущенныхъ на недалнемъ разстояніи, страшно повредили его голову и туловище. Темнота ночи увеличивала ужасъ этой борьбы; при этомъ исполненскій Бе-

¹⁾ Здѣсь описанъ большой самецъ.

гемоть возилъ нашу большую барку по всѣмъ направлениямъ потока. Впрочемъ, онъ издохъ въ счастливую для насъ минуту, въ то время, когда затащилъ судно въ лабиринтъ скалъ, которыя были для насъ тѣмъ опаснѣе, что во время смятенія никто изъ нашего общества не замѣтилъ ихъ. Туземцы, не имѣя пушекъ, не могутъ убивать Бегемота одинакой величины съ тѣмъ, о которомъ мы разсказывали. Звѣри эти, по своей обжорливости, настоящая язва этихъ странъ, ибо жители не имѣютъ средствъ отгонять ихъ отъ своихъ плантацій; всѣ средства защиты ихъ состоятъ въ томъ, что они ночью бьютъ въ небольшой барабанъ и мѣстами разводять огонь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Бегемоты до того дерзки, что не прежде оставляютъ свои пастбища, какъ если къ нимъ подойдетъ толпа людей съ крикомъ и палками.» Въ верхнемъ Нилѣ живутъ въ мирномъ согласіи между собою Бегемоты и крокодилы, и если бы крокодилу поправилось мясо Бегемота, то и тутъ онъ не поднялся бы на него. Ибо хотя послѣдній, повидимому неповоротливъ, какъ слонъ, но гораздо ловче крокодила въ водѣ и на сушѣ; сверхъ того, когда его раздражать, онъ смѣлъ, какъ быкъ, и даже будучи раненъ на землѣ, кидается на человѣка и топчетъ его своими исполненными ногами. Но онъ, говорятъ, не выходитъ изъ воды, чтобъ преслѣдовать или жгить¹⁾. Братья Ландеръ, во время своего смѣлаго путешествія по Нигеру, нашли тамъ огромное количество этихъ животныхъ. «Когда мы, говоритъ Ричардъ, спустились внизъ по Нигеру подъ Раббою, то наткнулись на новую неприятность, къ которой вовсе не были приготовлены: невѣроятное множество Бегемотовъ поднялось около насъ, фыркало, полоскалось и ныряло вокругъ нашей лодки; думая расфѣять ихъ, мы выстрѣлили одинъ или два раза, но шумъ вывалъ изъ воды и изъ каждой бухты еще большее количество этихъ животныхъ и они тѣснѣе прежняго обступили насъ. Нашимъ людямъ въ жизнь свою никогда не случалось встрѣтиться въ легкой лодкѣ съ этими страшными и огромными звѣрями; они дрожали отъ страха, кричали и плакали. Они говорили, что Бегемотъ часто опрокидываетъ лодки, и что тогда гибель для каждаго была неизбежна. Нерѣдко они такъ близко подходили къ намъ, что мы могли бы доставать ихъ прикладами ружей. Я увѣренъ, что первымъ моимъ выстрѣломъ ранилъ одного изъ нихъ; ибо всѣ они высунулись изъ воды и преслѣдовали насъ съ такою быстротою, что мы съ большимъ трудомъ могли уйти отъ нихъ. За вторымъ моимъ выстрѣломъ послѣдовалъ громкій, сильный ревъ, и казалось разстояніе между нами увеличилось. Изъ

¹⁾ Замѣтнимъ различіе въ разсказѣ объ Абиссинскомъ и объ Канскомъ Бегемотахъ.

всего нашего экипажа только двое изъ Борну боялись меньше другихъ: они уже видали этихъ животныхъ въ Канскомъ озерѣ, гдѣ, по ихъ словамъ, они находились въ большемъ количествѣ.» Они попадаются во всѣхъ рѣкахъ Южной Африки, но гдѣзъ уклоняются отъ жилищъ и отъ цивилизаціи, какъ будто чувствуя, что не подходятъ подъ болѣе благородныя формы и отношенія позднѣйшаго періода творенія.

Хотя путешественникъ Брюсъ и увѣряетъ будто видалъ въ Канскомъ озерѣ, въ Абиссиніи, Бегемотовъ, имѣвшихъ отъ 18 до 20 Англійскихъ футовъ въ длину; однакожь это вовсе невѣроятно. Левальянъ, конечно, зналъ Бегемотовъ, то есть легко могъ ихъ знать потому что въ его время, они въ большомъ количествѣ водились въ 24 миляхъ отъ Каа, въ Берговой рѣкѣ; но онъ сообщалъ очень мало свѣдѣній объ этомъ любопытномъ животномъ. Притомъ онъ находилъ, что до него очень невѣрно изображали Бегемотовъ на рисункахъ, а между тѣмъ и самъ оставилъ рисунки весьма плохіе; особенно на его рисункахъ очень тонкіе и раздуты губы, покрывающія верхніе клыки; и сверхъ того не только все животное представлено ужъ слишкомъ неповоротливымъ и тяжелымъ, но даже на лапахъ у него изображены когти. Впрочемъ, я приписываю это ошибкѣ его рисовальщика.

«Я уже сказывалъ, что поселяне, вооружась большими ружьями, помѣщаются подъ вѣтромъ, выжидаютъ Бегемота, когда онъ выходитъ изъ воды, и стрѣляютъ его, стараясь попасть подъ лопатку. Но для этого нужно очень много терпѣнія, тѣмъ болѣе, что надобно выносить страшную муку отъ комаровъ, а потому предпочитаютъ слѣдующее средство: привязываютъ гдѣ нибудь ружье, обративъ его дуломъ къ той сторонѣ, откуда ожидаютъ звѣра, на пути котораго растягиваютъ снурокъ, прикрѣпленный къ курку такъ, что Бегемотъ, зацѣпившись за снурокъ, выстрѣливаетъ самъ въ себя. Къ сожалѣнію для этого нужно, чтобы онъ шелъ прямо противъ самаго дула, и при томъ чтобы ружье было величиною не менѣе корабельнаго мушкетона. Изъ этого видно, что надѣясь на свои тяжелыя ружья, заряжаемая громадными и крѣпкими пулями, Голландскіе поселяне не придумали никакого остроумнаго средства для ловли Бегемотовъ.»

Многіе увѣряли, что Бегемоты плаваютъ иногда въ морскихъ заливахъ и открытыхъ рейдахъ. Это не удивительно. Правда, они предпочитаютъ жить въ рѣкахъ, но преслѣдуемые человѣкомъ, естественно рѣшаются переплывать моремъ отъ устья одной рѣки къ устью другой, особенно когда рѣчные берега часто посѣщаются людьми: равнымъ образомъ если рѣка падаетъ въ тихій заливъ, то Бегемоты, избѣгая опасностей, угрожающихъ имъ въ рѣкѣ, предпочитаютъ сидѣть въ этомъ заливѣ, тѣмъ болѣе, что имъ

имѣть до того надобности въ соленой лѣ, или въ прѣсной водѣ они укрываются.

Очень часто берега озеръ Африканскихъ бываютъ покрыты, на большое разстояніе, высокимъ тростникомъ, вырастающимъ на тонкой, листовой почвѣ. Именно сквозь этотъ тростникъ Бегемоты ходятъ вечеромъ на пастбище и утромъ возвращаются въ воду. Тростники, протоптанныя ими, имѣютъ не болѣе осьмнадцати дюймовъ въ ширину, причемъ въ тростникахъ остается отверстіе только въ одинъ метръ вышиною и шириною, потому что тростникъ этотъ вообще очень упругъ и когда животное пройдетъ, то онъ болѣею частью опять замыкается, являя лишь весьма тѣсный сводообразный проходъ. Я часто проникалъ въ эти проходы, не смотря на грязь и другія неудобства. Мнѣ очень хотѣлось встрѣтиться гдѣ нибудь наединѣ съ Бегемотомъ. Г. Гардингъ всегда осуждалъ мою неосторожность и замѣтилъ, что именно при такихъ же обстоятельствахъ, въ одномъ изъ крытыхъ проходовъ, Бегемотъ, пробираясь сквозь тростникъ въ озеро, загрызъ у него, какъ уже сказано, лучшаго Готтента.

Страхъ можетъ побудить къ такому поступку самое миролюбивое животное; оно думаетъ, что только этимъ однимъ можетъ спасти жизнь свою; а потому подобный случай нисколько не служитъ доказательствомъ, чтобы въ характерѣ Бегемота существовало сколько нибудь свирѣпости. Кромѣ описаннаго случая, вообще извѣстно, что Бегемотъ никогда не нападаетъ на человѣка, напротивъ онъ бѣжитъ отъ него, и едва рѣшается на защиту даже въ томъ случаѣ, когда Кафры, выгоняя его ночью изъ садовъ своихъ, по нѣскольку разъ вонзаютъ въ него дротики.

Куду, Тугуэльскій Кафръ, извѣстный по своей силѣ, проворству и смѣлости, безъ труда убивалъ Бегемотовъ, при выходѣ ихъ изъ воды, однимъ холоднымъ оружіемъ. Я могу свидѣтельствовать объ этомъ, потому что самъ былъ очевидцемъ, какъ этотъ человѣкъ сражался съ Бегемотами среди бѣлаго дня, находясь въ положеніяхъ чрезвычайно опасныхъ, какъ на суши, такъ равно и въ водѣ. Онъ нападалъ на Бегемотовъ повсюду, гдѣ только находилъ ихъ, даже среди крокодиловъ, которые, по его увѣренію, не смѣли кусать его. Онъ наносилъ Бегемотамъ такія широкія и глубокія раны, что я не повѣрилъ бы еслибы самъ не видалъ ихъ. Но Куду считалъ это дѣломъ совершенно безопаснымъ; онъ почиталъ Бегемота животнымъ вовсе не мстительнымъ.

Нѣкоторые путешественники, изумленные, вѣроятнo, страннымъ расположеніемъ зубовъ у Бегемота и ихъ огромною, предполагали ошибочно, будто онъ питается рыбою. Но чтобы удостовѣриться въ неосновательности подобнаго мнѣнія, достаточно изслѣдо-

вать свойство кишечныхъ массъ. Въ этихъ массахъ содержатся травы, иногда молодой тростникъ, изрѣдка молодые отростки съ разныхъ кустарничныхъ растений; но никогда въ нихъ не бываетъ ни плодовъ, ни кореньевъ. Итакъ, Бегемотъ животное чисто травоядное, только оно не отгрызаетъ жвачки, подобно другимъ копытнымъ животнымъ, въ тѣхъ же мѣстахъ обитающимъ.

У самки два сосца, она мечетъ одного только дѣтеныша, и вслѣдствіе исключительнаго образа жизни своей, носить дѣтеныша на спинѣ. Этимъ породе Бегемотовъ отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ четвероногихъ, многокопытныхъ, цѣльнокопытныхъ и раздѣльнопальчыхъ, за исключеніемъ одного только тапира, который, судя по сходству нравовъ съ Бегемотами, долженъ и въ этомъ отношеніи имѣть подобіе. По этой причинѣ въ стадѣ Бегемотовъ, выходящихъ изъ воды подышать, тотчасъ видна самка съ дѣтенышемъ, еще слабымъ. Позади большой маткиной головы является маленькая, выплывающая, переводящая духъ въ одно время съ большою и вмѣстѣ съ нею опять погружающаяся въ воду. По всему этому надобно думать, что дѣтенышъ сидитъ у матки на шеѣ, такъ какъ эта часть тѣла менѣе другихъ толста, и дѣтенышу удобнѣе на ней уцѣпиться. Дѣйствицу такимъ образомъ, матка имѣетъ конечно въ виду предохранить дѣтеныша отъ утопленія и приучить его къ тому, чтобы онъ не очень много открывалъ себя и слѣдственно не подвергался выстрѣламъ. Впрочемъ, я думаю, матка имѣетъ такое попеченіе о дѣтенышѣ не болѣе какъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, много что года; по крайней мѣрѣ такъ надобно заключать по тому, что голозы дѣтенышей, которыхъ мнѣ случалось видѣть, всегда были очень малы.

Цвѣтомъ Бегемотова кожа на спинѣ и другихъ выдающихся частяхъ бываетъ черноватая, или сѣро-черноватая, на бокахъ свѣтлая, а на брюхѣ сѣроватобѣлая, съ примѣсю тѣльнаго цвѣта. Одинъ поселянинъ, по имени Комбрингъ, убилъ при мнѣ Бегемота, у котораго и бока были такого же свѣтлаго цвѣта какъ брюхо. Онъ называлъ его *Wil-zee-koe*, то есть бѣлый Бегемотъ. Это рѣдкое животное напомнило мнѣ о бѣломъ слонѣ Сіамскаго Короля.

Не смотря на толщину Бегемотовой кожи, на ней поселяются чужедная насѣкомая. У всѣхъ Бегемотовъ убитыхъ въ прибрежной части Натальской области, за ушами находили большихъ клещей, а у одного я нашелъ въ задней части тѣла множество мелкихъ пиявокъ.

Траву Бегемотъ съѣдаетъ вилотъ до земли. Одного такого животнаго достаточно, чтобы произвести ужасное опустошеніе въ садахъ у Кафровъ и на ихъ маисовыхъ и сахарно-тростниковыхъ плантаціяхъ; дѣло

въ томъ, что Бегемотъ не только пожираетъ очень много, но еще вдвое больше потантываетъ. Впрочемъ, невысокихъ и слабыхъ плетней достаточно, чтобы удерживать его отъ вторжения въ садъ.

Бегемоты *Оль-Нинотийские*, въ Натальской области и *Оль-Лаласские*, въ странѣ Амазулусовъ, почитаются лучшими и самыми жирными. Это зависитъ, вѣроятно, отъ качества собственныхъ пажитей.

Не смотря на свои короткія ноги и непопулярную толщину тѣла, Бегемотъ нерѣдко уходитъ въ одну ночь за 10 или 12 миль отъ рѣки, въ мѣста, возвышенныя на 1,000 или 1,500 футовъ, гдѣ есть пажити, имъ предпочитаемая. Для этого онъ ходитъ даже по узкимъ, весьма крутымъ тропинкамъ, по которымъ и человеку трудно взбираться. Иногда онъ всю ночь расхаживаетъ такимъ образомъ, и мнѣ случалось видѣть Бегемотовъ, которые часовъ въ десять утра только что возвращались въ рѣку. Именно при такомъ позднемъ возвращеніи этого животнаго, случилось однажды любопытное происшествіе, о которомъ рассказывалъ мнѣ одинъ житель южной Африки, страстный и отчаянный зѣвроволовъ.

Онъ застигъ Бегемота недалеко отъ рѣки въ мѣстности, почти непроходимой, усѣянной утесами, совершенно отвѣсными. Бегемотъ, видя, что ему берегомъ уйти нельзя, рѣшился прыгнуть съ утеса, имѣвшаго сорокъ футовъ вышины, и кинулся въ рѣку, которая, по счастью для него, была въ этомъ мѣстѣ очень глубока. И прежде я зналъ, что поубуждаемый страхомъ, Бегемотъ прыгаетъ въ воду съ берега, часто имѣющаго отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ, но полагалъ, что выше этого онъ не отважится прыгнуть. Даже и теперь я не повѣрилъ бы вышеописанному происшествію, но человекъ, который рассказывалъ мнѣ объ немъ, заслуживаетъ полнаго вѣроятія.

Эту привычку Бегемота особенно подмѣтили Нобокские Амазулусы, живущіе по берегамъ залива Св. Луцій, и на ней они основываютъ свой способъ ловли этого животнаго. По берегамъ рѣки Тугуэлы выкапываютъ они глубокіе и широкіе рыи, усаженные на днѣ острыми колыями. Рыи эти прикрываются хворостомъ и землею, а по сторонамъ устроиваются плетни, или какія нибудь другія преграды, такъ что Бегемотъ, вышедши изъ рѣки, непременно попадетъ въ ровъ. Но Бегемоты скоро замѣтили эту хитрость, и начали обходить рыи. Нобокские Кафры поступаютъ искуснѣе: они вколачиваютъ въ самой рѣкѣ колья, которые не будучи очень длинны, скрыты подъ водою; колья эти повѣщаютъ они въ такихъ мѣстахъ рѣки, куда примыкаютъ тропинки, по которымъ Бегемоты привыкли возвращаться въ рѣку, и гдѣ берегъ крутъ и имѣетъ отъ двѣнадцати до пятнадцати футовъ вышины. Ночью, когда Бегемоты выходятъ на берегъ щипать траву,

Кафры окружаютъ ихъ, поднимаютъ страшный крикъ, стучать въ свои щиты, машутъ зажженными сучьями и гонятъ животныхъ къ тому мѣсту рѣки, гдѣ насажены колья. Многіе Бегемоты бросаются тогда съ берега и убиваются объ колья; послѣ чего утромъ ихъ вытаскиваютъ на берегъ.

Шумъ, производимый Бегемотами, когда они выплываютъ на поверхность воды, особенно вечеромъ, сходствуетъ не съ конскимъ ржаніемъ, не съ хрюканьемъ свиньи, хотя приближается къ нему, но болѣе съ громкимъ хрюпаніемъ.

Знаменитый Бюффонъ ошибся, утверждая, будто клыкъ Бегемота вѣситъ отъ двѣнадцати до тринадцати фунтовъ; самые большіе клыки, находящіеся у меня, имѣютъ вѣсу не болѣе пяти фунтовъ, и я думаю, что въ шесть фунтовъ они и не бывають.

Древніе, увлекаясь пылкостью своего воображенія, увѣряли будто бы Бегемотъ извергаетъ изъ чешуей своихъ плыва. Къ этой баснѣ, по всей вѣроятности, подало поводъ не то обстоятельство, что клыки Бегемота, ударяемые объ огниво, даютъ искры, а скорѣе то, что Бегемотъ, когда дышетъ, выходитъ изъ воды, то вода брызжетъ и разносимая вѣтромъ, разстилается на подобіе пара или дыма.

Левальиѣ увѣряетъ, что въ водѣ Бегемотъ движется со скоростью лошади. Мнѣ кажется, это преувеличено. Бегемотъ, по моему замѣчанію, плаваетъ или ходитъ по дну рѣкъ не быстрее того какъ человекъ по суши. Я могу утверждать это, потому что наблюдалъ за Бегемотомъ, который имѣлъ причину послѣднѣе перебраться съ одного мѣста на другое; на него я напалъ вмѣстѣ съ прислужниками моими; ему надобно было спастись; онъ влекъ съ собою дротикъ, вонзенный въ него однимъ изъ моихъ людей; рукоятка этого дротика выдавалась изъ воды и я могъ по ея движенію, очень вѣрно сообразить степень быстроты съ какою удалялось животное.

Я слыхалъ въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Бегемотъ водится, что будто бы по ночамъ, желая заснуть, онъ, для поддержанія головы своей на поверхности воды, хватается клыками за утесы или древесныя сучья. Мнѣ кажется это неправда: если бы онъ хватался за камни, то на клыкахъ его оттого оставались бы знаки, которыхъ я не видалъ ни на одномъ клыкѣ. Бегемотъ отдыхаетъ днемъ въ водѣ и, сколько я могъ замѣтить, часто выплываетъ и сонный подышать; ночью же онъ едва имѣетъ довольно времени, чтобы набѣстѣся; по крайней мѣрѣ я видалъ Бегемотовъ, которые въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человекъ не тревожилъ ихъ, палили даже до третьяго часа дня.

Увѣряютъ также, — и при томъ болѣею частью охотники, — что Бегемотъ, смертельно раненый, ныряетъ на дно рѣки, хватается тамъ клыками за камень или ка-

кой нибудь корень, и такъ издыхаетъ, къ величайшей досадѣ охотника, который, не смотря на увѣренность, что попалъ удачно, дожидается иногда по три четверти часа, а между тѣмъ вода все еще не выноситъ на поверхность свою убитаго звѣря. Можетъ быть и поступлю дурно, опровергая это повѣрье, потому что оно утѣшительно для самолюбія охотниковъ, оставляя подлѣ сомнѣніемъ то, что они не мастера стрѣлять; но наука требуетъ свѣдѣній вѣрныхъ, и я обязанъ сказать, что и это мнѣніе столь же неосновательно, какъ предыдущее.

Относительно употребленія, дѣлаемаго человѣкомъ изъ Бегемота, животное это можно сравнить со свиньею. Кожа его, бывающая толщиною въ два и три пальца, идетъ на изготовленіе тростей, кнутовъ, арапниковъ. На жѣсть, однакожъ, изъ нея было бы выгодно дѣлать студень. Мясо все вообще, также какъ и внутренности, представляетъ здоровую пищу, пренебрегаемую одними лишь Боэрами, которыхъ изобиліе вовлекаетъ въ расточительность, а потому они запасаются только жиромъ Бегемота.

Мясо стараго Бегемота такъ жестко, что просто изжареное его нельзя ѣсть, а надобно предварительно долго варить. Впрочемъ, оно довольно вкусно. Мясо молодаго Бегемота очень бѣло и нѣжно, имѣетъ сходство съ телятиною и поросенкомъ, но несравненно сочтѣе; если ѣсть его самое свѣжее, то оно имѣетъ дѣйствіе послабляющее. Сало Бегемота состоитъ изъ множества пузырьковъ, очень уругихъ, какъ бы губчатыхъ, изъ которыхъ при вареніи вытекаетъ чрезвычайно вкусный жиръ, хорошо известній въ Натальской области и называемый у Голландцевъ *Zee-koespek*. Этотъ жиръ составляетъ здѣсь такое лаконое кушанье, что при одной мысли о немъ на устахъ каждаго охотника невольно появляется улыбка.

Именно для того, чтобы добыть этого желаннаго лакомства, каждый охотникъ отправляется хоть однажды въ годъ въ тѣ мѣста гдѣ Бегемоты водятся въ большомъ количествѣ. Время, проводимое за этою охотою, доставляетъ Боэрамъ самое пріятное удовольствіе. Тогда они рѣшительно пируютъ, живутъ въ полномъ изобиліи, и можно сказать безъ малѣйшаго преувеличенія, что самая наружность охотниковъ при такой жизни совершенно измѣняется. Отправляясь на охоту, и Кафры, и бѣлые люди, и собаки ихъ бываютъ обыкновенно очень тощи, но возвращаются всегда толстыми, здоровыми. Особенно Кафры такъ отъѣдаются, что кожа у нихъ лоснится, а собаки ихъ дѣлаются до того лѣнны, что съ трудомъ тащатся домой. Боэры убиваютъ предпочтительно такъ называемыхъ *rooye-kop*, или красногловыхъ Бегемотовъ, то есть такихъ, у которыхъ за ушами просвѣчиваетъ сквозь кожу мясо; это признакъ, что Бегемотъ жиренъ и молодъ.

Хотя Амазулусы вообще причисляютъ Бегемота къ такимъ животнымъ, которыхъ порядочному человѣку ѣсть негодится, однакожъ многие изъ нихъ, живущіе близъ моря, не слѣдуютъ этому правилу. Особенно Амазулусы, обитающіе въ Нобокскомъ и Омъ-Кодукскомъ капианствѣ, не только большіе охотники до мяса и жира Бегемотова, но даже ѣдятъ и кожу его, только что долго развариваютъ ее. Мнѣ самому такая разваренная кожа показалась вкусна.

Кости, также какъ у носорога и слона, состава скважистаго, губчатаго, содержатъ весьма нѣжный, мозгу подобный, жиръ, который Кафры вывариваютъ изъ костей, раздробивъ ихъ предварительно. Часто они даже высасываютъ сокъ изъ этихъ костей, не подвергая ихъ варкѣ. Желая узнать каковъ у Кафровъ вкусъ, я пробовалъ также сосать сырыя кости, и нашелъ, что это вовсе не дурно. Нижніе клыки Бегемота продаются довольно дорого; но и прочіе зубы можно бы пережигать; они доставляли бы хорошую женую кость, полезную въ разныхъ ремеслахъ.

Въ торговлю идутъ одни нижніе клыки, которые употребляются преимущественно на дѣланіе искусственныхъ вставныхъ зубовъ; они очень плотны и гораздо бѣлѣе слоновой кости. Впрочемъ, въ совокупности своей они не такъ крѣпки, какъ клыки плотоядныхъ животныхъ; при мнѣ однажды Бегемотъ схватилъ зубами плоть, сдѣланный изъ фургонныхъ досокъ, на которомъ находилось трое охотниковъ. Потрашеніе было чрезвычайно сильное, Бегемотъ ужъ совсѣмъ было увлекъ плоть на дно, но вдругъ бросилъ его и скрылся. Это очень удивило охотниковъ; вскорѣ, однакожъ, они замѣтили въ одной доскѣ обломокъ клыка, имѣвшій четыре дюйма въ длину, и тогда только поняли причину, по которой Бегемотъ такъ внезапно отступился отъ нихъ.

Мясо его только для Готтентотовъ составляетъ лакомый кусокъ и едвали понравится Европейскому вкусу; по крайней мѣрѣ Тунбергъ, проходя однажды мимо палатки, въ которой Готтентоты ѣли Бегемота, нашелъ запахъ нестерпимымъ. За то зубы этого животнаго, говорятъ, нѣрѣдко замѣняютъ во рту Европейца выпавшіе у него зубы, ибо ихъ употребляютъ вмѣсто слоновой кости. Чудное путешествіе зуба изъ пасти чудовища Африканскихъ потоковъ чрезъ руки Готтентота, мастерскую механика, лавку кушача, въ челюсть чопорныхъ мужчинъ и дамъ!

ДВИЖЕНИЕ ЗЕМЛИ ОКОЛО СВОЕЙ ОСИ.

(Статья Отто Уэлл.)

III.¹

История наук представляет нам множество примеров того, что нарушения нормальности явлений доводят до весьма важных открытий. Зная правильный ход явления, и замечая частыя отклонения от него, или возмущения, можно уже сделать болѣе или менѣе вѣрное заключение о причинахъ, производящихъ такое возмущение. Существование недавно — открытой большой планеты, Нептунъ, было доказано математическимъ вычислениемъ возмущений, производимыхъ ею въ путяхъ другихъ планетъ. Химикъ открываетъ новые элементы, не иначе, какъ посредствомъ изслѣдованія веществъ, ему известныхъ: подвергая дѣйствию различныхъ реактивовъ какое нибудь известное тѣло, онъ замѣчаетъ малѣйшія отклонения отъ ожидаемыхъ имъ явленій. Физиологъ угадываетъ скрытое состояние души, и вновь проявляющіяся желанія и побужденія въ человѣкѣ, по измѣненію обыкновенныхъ чертъ лица, по перемѣнѣ голоса, тѣлодвиженій и пр. То же самое можемъ мы сделать, занимаясь вопросомъ относительно обращенія земли около своей оси. Мы можемъ убедиться въ дѣйствительности этого обращенія только по измѣненіямъ производимымъ имъ въ движеніяхъ, законы которыхъ совершенно намъ известны.

Съ тѣхъ поръ какъ узнали, что причина паденія всѣхъ тѣлъ есть одна и та же сила притяженія всей земли, надобно было ожидать, что движеніе земли, если оно принадлежитъ къ дѣйствительнымъ явленіямъ, а не къ разряду пустыхъ выдумокъ, должно производить измѣненія въ явленіяхъ паденія тѣлъ. Мы уже сказали, что при движеніи земли тѣла не могутъ падать по отвѣсной линіи; но вслѣдствіе болѣе скорости вращенія въ точкѣ, съ которой они падаютъ, линія паденія должна отклоняться на востокъ. Конечно, такое отклоненіе такъ мало, что замѣтить его и обнаружить возможно только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, при довольно большой высотѣ паденія. Наука довольно одно несомнѣнно-вѣрнаго факта; но для общедоступности, доказательства должны быть ясны и наглядны. Не можетъ быть, чтобы мы не нашли ихъ. Движеніе земли должно имѣть вліяніе и на другія движенія, происходящія на земной поверхности.

До сихъ поръ мы разсматривали только каждый параллельный кругъ земли какъ болѣе маховое колесо, скорость обращенія котораго возрастаетъ соразмѣрно отдаленію его окружности отъ оси. Итакъ мы заключили, что тѣло падающее по направленію къ

этой оси должно отклониться отъ перпендикуляра, вслѣдствіе разности скоростей вращательнаго движенія точекъ, обозначающихъ начало и конецъ паденія. Но есть еще и другія направленія движенія, въ измѣненіи которыхъ возможно замѣтить дѣйствіе вращенія земли. Если земля есть шаръ, обращающійся около своей оси, то мы должны разсматривать ея параллельные круги какъ маховыя колеса различной величины, скорость которыхъ у экватора имѣетъ наибольшую величину, а, по мѣрѣ приближенія къ полюсамъ, постепенно уменьшается и наконецъ обращается въ нуль. Стало быть, скорость вращенія уменьшается по направленію отъ экватора къ полюсамъ, соразмѣрно поперечнику параллельныхъ круговъ, или разстоянію точекъ отъ оси вращенія. По этому, если бы было на поверхности земли движеніе отъ экватора къ полюсамъ, то вращеніе земли произвело бы въ направленіи его опредѣленное измѣненіе. Слѣды этого измѣненія должны быть гораздо яснѣе чѣмъ въ паденіи тѣлъ, потому что здѣсь представляется намъ несравненно болѣе пространство для наблюденій. Стоить только найти или произвести такое движеніе, и точно изслѣдовать его явленія. Нечего долго искать его: сама природа представляетъ намъ такое явленіе въ огромнѣйшихъ размѣрахъ въ движеніи атмосфернаго воздуха и морскихъ водъ.

Кому неизвѣстны изумленіе и испугъ матросовъ Колумба, когда его корабль попалъ въ первый разъ въ страну непрерывно-дуящаго восточнаго вѣтра, который, и теперь еще, спокойно и безопасно несетъ суда изъ Стараго Свѣта въ Новый? Они боялись, что имъ уже невозможно будетъ возвратиться въ отечество. Теперь намъ знакомы уже такіе постоянные вѣтры на всѣхъ тропическихъ моряхъ и на обширной поверхности Тихаго Океана, и въ котловинѣ Индійскаго моря. Какъ ни поразителенъ всегда спокойно твердый и непоколебимый характеръ ихъ, сравнительно съ капризною измѣчивостію вѣтровъ въ нашихъ странахъ, мореходъ не боится уже, а благословляетъ ихъ. Изъ такихъ правильныхъ явленій, мы можемъ естественно заключить о существованіи опредѣленныхъ, правильныхъ причинъ. На первыхъ порахъ намъ даже можетъ показаться, что въ этомъ явленіи заключается отвѣтъ на возраженіе первыхъ противниковъ ученія Коперника, говорившихъ, что неподвижная атмосфера должна отставать отъ вращающейся земли, что и выражается въ видѣ восточныхъ вѣтровъ. Но мы знаемъ, что атмосфера принадлежитъ къ землѣ, какъ ея оболочка, и должна принимать участіе въ ея движеніи. Слѣдовательно, должно существовать какое нибудь другое всеобщее движеніе, и своимъ вліяніемъ производить такое неопровержимое отставаніе атмосферы въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ.

¹ См. Вѣстникъ, №№ 9 и 11, стр. 136, 149.

Совершенного покоя нѣтъ нигдѣ, — его нѣтъ и въ воздушномъ океанѣ нашей атмосферы. То, что мы называемъ *ветромъ*, есть только слѣдствіе постоянного стремленія возстановить нарушенное равновѣсіе. А это нарушение происходитъ отъ неравнобѣрнаго нагрѣванія воздушныхъ слоевъ подъ различными широтами. Теплота измѣняетъ плотность воздуха. Нагрѣтый воздухъ расширяется, по этому становится легче, и уступаетъ свое мѣсто болѣе плотному и холодному. Такое явленіе представляетъ намъ даже нагрѣтая комната, стоитъ только держать свѣчу противъ узкаго отверстія двери, сообщающей теплую комнату съ холоднымъ пространствомъ: по движенію пламени легко удостовѣриться, что сверху образуется струя теплаго воздуха, выходящаго изъ комнаты наружу, и внизу струя холоднаго, входящаго снаружи въ комнату. Такое же нарушение равновѣсія происходитъ на земной поверхности подъ экваторомъ, гдѣ воздухъ въ сильнѣйшей степени нагрѣвается. По этому и здѣсь нагрѣтый воздухъ поднимается вверхъ и течетъ къ полюсамъ, а холодный отъ полюсовъ течетъ нижними слоями къ экватору. Если бы земля была неподвижна, то на всей ея поверхности не было бы другихъ вѣтровъ кромѣ сѣвернаго и южнаго, съ небольшими мѣстными измѣненіями въ направленіи. Наблюденіе показываетъ намъ теперь совершенно противоположныя явленія, и если, для объясненія ихъ, мы не примемъ столь простой причины, заключающейся въ движеніи земли, то намъ придется искать другихъ причинъ, болѣе таинственныхъ и непостижимыхъ. Съ другой стороны, можно ли, для доказательства движенія земли, обнаруживающагося уже въ отклоненіи падающихъ тѣлъ, желать чего нибудь большаго, кромѣ яснаго удостовѣренія въ томъ, что подобное же отклоненіе, только въ большемъ размѣрѣ, оказывается и въ движеніи воздуха? Постараемся представить нагляднымъ ходъ этого явленія на основаніи весьма простаго, ежедневнаго опыта. Мы уже упоминали объ одномъ явленіи, всякому извѣстномъ: плыва на ходкомъ кораблѣ или пароходѣ, даже во время совершенной тишины, мы чувствуемъ всегда противный вѣтеръ; это потому, что неподвижный воздухъ обнаруживаетъ сопротивление всякому движущемуся въ немъ тѣлу, а это сопротивление и выражается теченіемъ воздуха, вѣтромъ. Только въ одномъ, весьма рѣдкомъ случаѣ, мы не замѣчаемъ никакого вѣтра, именно тогда, когда направленіе и скорость вѣтра бываютъ совершенно одинаковы съ направленіемъ и скоростію корабля или парохода. Представимъ себѣ, что мы садимся на пароходъ, который отправляется внизъ по рѣкѣ, текущей прямо на востокъ. Холодный сѣверный вѣтеръ дуетъ намъ съ боку и несетъ дымъ далеко на противоположный берегъ. Мы укрываемся отъ этого вѣтра за барабаномъ,

окружающимъ одно изъ колесъ парохода. Но вотъ, звонокъ подаетъ сигналъ къ отчаливанію: колеса зашумѣли, и, граціозно потянувшись, пароходъ плыветъ по рѣкѣ словно исподинскій лебедь. Скоро мы съ досадою замѣчаемъ, что огромный барабанъ уже не защищаетъ насъ отъ вѣтра. Онъ начинаетъ дуть все сильнѣе и сильнѣе прямо противъ насъ. Въ то же время намъ замѣтно, что и дымъ все болѣе и болѣе принимается одинаковое направленіе съ пароходомъ. Не перемѣнились ли вѣтеръ, или пароходъ взялъ другое направленіе? Но нѣтъ, вотъ пароходъ остановился; и снова дуетъ вѣтеръ съ той-же стороны рѣки и снова несетъ дымъ на противоположный берегъ. Слѣдовательно, намъ остается искать объясненія этого явленія только въ быстромъ движеніи парохода, отъ котораго постоянно отставалъ на западной сторонѣ медленнѣе движущійся воздухъ. По измѣняющемуся направленію флагбоя мы легко могли бы замѣтить такой переходъ сѣвернаго вѣтра въ сѣверно-восточный и восточный, при увеличеніи быстроты плаванія. Пересядемъ теперь на другой, огромный корабль, т. е. на нашу землю. И этотъ корабль быстро несетъ насъ на востокъ, и на немъ дуетъ намъ съ боку холодный вѣтеръ отъ полюса. Это тотъ самый потокъ холоднаго воздуха, который стремится замѣтить собою поднимающійся вверхъ нагрѣтый воздухъ подъ экваторомъ. И здѣсь воздухъ, текущій съ сѣвера, долженъ отставать отъ земли на западной сторонѣ, во время ея быстрого движенія и постепенно переходить въ восточный вѣтеръ. Скорость вращенія различныхъ точекъ земной поверхности увеличивается, по мѣрѣ приближенія отъ полюсовъ къ экватору; по этому массы воздуха, движущіяся въ этомъ направленіи, вездѣ имѣютъ меньшую скорость, чѣмъ точки земной поверхности, лежащія подъ ними. По мѣрѣ движенія впередъ онѣ должны принимать все большую и большую скорость сравнительно съ первоначальной. По этому противудѣйствуютъ онѣ, по закону косоности; чтобы побѣдить такое сопротивление потребна новая сила, а безъ нея должна уменьшаться скорость. Чѣмъ ближе подходитъ потокъ воздуха къ экватору, тѣмъ болѣе отстаетъ онъ отъ вращающейся земной поверхности, тѣмъ болѣе теряетъ свое прежнее направленіе отъ сѣвера къ югу, и превращается наконецъ въ вѣтеръ, дующій отъ востока къ западу. Такимъ образомъ, между поворотными кругами, оба поларныя теченія атмосферы переходятъ въ такъ называемые *пассаты*, т. е. въ сѣверо-восточный и юговосточный вѣтеръ. Они господствуютъ въ Атлантическомъ океанѣ между 8° и 30° сѣв. шир., и между 2° сѣв. шир. и 21° южной шир. При взаимной встрѣчѣ, они совершенно теряютъ свое первоначальное направленіе, и переходятъ въ слабые восточные вѣтры, которыхъ движе-

ніе, наконецъ, почти совершенно прекращается вслѣдствіе сильнаго стремленія вверхъ, постоянно нагрѣвающихся подъ экваторомъ, нижнихъ слоевъ воздуха. Эта область равновѣсія атмосферы, или безвѣтрія, лежитъ въ Атлантическомъ океанѣ между 2°, или 3°, и 8° сѣв. шир. Совершенно подобныя, въ своемъ основаніи, но противоположныя явленія, имѣютъ мѣсто въ верхнихъ слояхъ атмосферы, по которымъ нагрѣтый подъ экваторомъ воздухъ стекаетъ къ полюсамъ. Получивши, въ самомъ началѣ своемъ, весьма вращательное движеніе отъ запада къ востоку, эти массы воздуха, при дальнѣйшемъ ходѣ своемъ къ полюсамъ, постепенно вступаютъ въ такіе пояса земли,

которыхъ движеніе оказывается болѣе и болѣе медленнымъ. Онѣ упреждаютъ такимъ образомъ вездѣ земную поверхность и обнаруживаются въ видѣ вѣтровъ, направляющихся болѣе и болѣе отъ запада къ востоку. Тамъ, гдѣ таковыя потоки воздуха, уже по достаточномъ охлажденіи, спускаются къ земной поверхности, именно въ умѣренныхъ поясахъ, они должны оказаться въ видѣ югозападныхъ и сѣверозападныхъ вѣтровъ. Западный вѣтеръ, господствующій въ средней Европѣ почти половину года, есть слѣдствіе этого, такъ называемаго, возвратнаго пассата. Въ этихъ странахъ встрѣчаются такимъ образомъ два противоположныхъ потока воздуха, верхній и нижній; слѣдствіемъ ихъ непрерывной борьбы объясняется въ нашихъ странахъ, неправильная, повидимому, измѣняемость вѣтровъ, въ которой однакожъ высказывается правительный законъ вращенія вѣтровъ, какъ называлъ его Дове. Югозападный вѣтеръ постоянно стремится сдѣлаться западнымъ, а сѣверозападный—восточнымъ; отъ этого и происходитъ постепенный переходъ вѣтра изъ западнаго въ восточный, чрезъ сѣверную точку горизонта, а изъ восточнаго въ западный, чрезъ южную. Хотя, при этихъ двухъ главныхъ вѣтрахъ, появляются отъ времени до времени и другіе, но всегда наконецъ переѣзъ остается на сторонѣ котораго ни-

будь изъ нихъ. Итакъ вѣтры гутъ: ни одинъ изъ нихъ не приходитъ изъ той стороны, на которую показываетъ флюгеръ. Но, подобно тому, какъ едва замѣтно отклоненіе падающаго камня отъ направленія тяжести, такъ и эта ложь вѣтра, служить прекраснѣйшимъ доказательствомъ обращенія земли около своей оси. Замѣчаемое нами направленіе вѣтра есть слѣдствіе движенія земли и обнаруживаетъ его столь же ясно, какъ и облака дыма, полосой лежащая вслѣдъ за пароходомъ, свидѣтельствуютъ о быстротѣ его движенія впередъ.

Воды обширныхъ морей, покрывающихъ землю, представляютъ точно такія же теченія, какъ и воздушный океанъ. Различное обращеніе и въ нихъ про-

изводитъ подобное же перемѣщеніе. Холодная и болѣе тяжелая вода полярныхъ странъ постоянно стремится къ экватору, чтобы замѣстить собою поднимающуюся тамъ вверхъ болѣе теплую и легкую воду, которая частью испаряется, а частью возвращается назадъ къ полюсамъ. Доказательство полярныхъ теченій видимъ мы въ чудныхъ картинахъ величественныхъ ледяныхъ горъ, уносимыхъ ими часто далеко на югъ, до теплыхъ водъ Гольфа-стрима. По мѣрѣ ихъ приближенія къ экватору, обращеніе земли вокругъ своей оси отклоняетъ ихъ все болѣе и болѣе на западъ, также какъ и полярные потоки воздуха. По этому, около тропиковъ направленіе полярныхъ теченій совершенно измѣняется, обнаруживаясь въ общемъ движеніи океана отъ востока къ западу. Это-то и есть великое экваторіальное теченіе, направляющее всѣ воды тропическихъ океановъ отъ востока къ западу вокругъ земли. Въ Атлантическомъ океанѣ оно замѣтно по обити проницательнаго взора Колумба. «Кажется, несомнѣнно вѣрно», говоритъ онъ послѣ перваго своего путешествія, «что воды океана движутся точно въ томъ же направленіи, какъ и небо.»

(Прод. слѣд.)